

13. Там же. Д.78. Л.111,112,179; Д.79. Л.65; Д.106. Л.183,244, 269; Д.130. Л.34,37; Д.131. Л.135,248; Д.132. Л.155,204 об.; Д.166, Л.195; Д.168. Л.162.
14. Там же. Д.130. Л.32,33.
15. Там же. Д.74. Л.23; Д.78. Л.58; Д.229. Л.209об.
16. Там же. Д.106. Л.260.
17. Там же. Д.132. Л.204об., 205.
18. Там же. Д.161. Л.226; 247. Л.234.
19. Там же. Д.78. Л.58,247,255-257; Д.130. Л.22,23.
20. Там же. Д.78. Л.248.
21. Там же. Д.169. Л.29,30.
22. Там же. Д.229. Л.209об.
23. Там же. Д.247. Л.238.
24. Там же. Д.79. Л.2,2об.
25. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.257. Л.112.
26. Там же. Д.233. Л.24.
27. Там же. Д.71. Л.112.
28. Там же. Д.269. Л.99.
29. Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990, № 1. С.9.

Попов Н.Н.
Екатеринбург

ПОЛОЖЕНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕРЕ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПРИ СТАЛИНСКОМ РЕЖИМЕ

С 1930 г., когда сталинское руководство страны перешло к осуществлению насильственной политики сплошной коллективизации крестьян, часть их, объявленная кулаками, была выслана в отдаленные районы СССР, в том числе на север Урала и Западной Сибири. К февралю 1932 г. в Уральской области было размещено около полумиллиона спецпереселенцев с юга Урала и из западных областей страны. Их

сосредоточили в специальных поселках, расположенных в 69 районах и трех округах Уральской области: Коми-Пермяцком, Остяко-Вогульском и Ямальском. На этой территории в начале 1932 г., по неполным данным, насчитывалось около 650 спецпоселков (1).

Около 6,5 тыс. семей спецпереселенцев (свыше 30 тыс. человек в апреле 1932 г.) было расселено в 50 новых поселках Остяко-Вогульского округа для использования в сельском хозяйстве, в рыбной, лесной и местной промышленности. Это, несомненно, положительно сказалось на росте сельскохозяйственного производства в крае, поскольку знание основ агротехники многими спецпереселенцами, их навыки и опыт хозяйствования были быстро переняты местным, в том числе коренным населением.

К началу 1940 г. в спецпоселках имелось 5,6 тыс. га пашни, то есть почти половина от общего количества по округу, полученной путем освоения лесных площадей и мелиорации лугов. В неуставных сельскохозяйственных артелях округа насчитывалось тогда около 5,2 тыс. голов крупного рогатого скота (около четверти от общего поголовья по округу), 3250 лошадей (22,7 процента) и 2120 овец (33,6 процента).

Результаты трудовой деятельности спецпереселенцев были бы, конечно, еще выше, если бы не крайне тяжелое положение, в которое они были поставлены властями, совершенно не готовыми принять такое большое количество людей. Для возведения жилищ в отведенных, как правило, необжитых местах спецпереселенцы не имели самого необходимого и часто умирали в первую же зиму. Им не разрешалось переезжать из одного поселка в другой. Каждый день они должны были отмечаться у коменданта. Спецпереселенцы были лишены гражданских прав, по месту жительства и работы они были обособлены от местного населения. Власти сознательно подчekiвали их гражданскую ущемленность. Вот как председатель Остяко-Вогульского окружного исполкома Я.М. Рознин определил в одном из своих распоряжений социальный статус спецпереселенцев: "Следует твердо помнить, что спецпереселенцы

есть социально-опасный элемент, который находится на известном режиме людей, лишенных гражданских и политических прав. Расценивать их как местное население не следует" (2).

Так писал советский функционер, который знал, что эти люди не совершали никаких преступлений, а были высланы как якобы "классово чуждые элементы". Знал он и об их невыносимо тяжелой жизни, о которой свидетельствует докладная записка коменданта Ханты-Мансийского окружного отдела ОГПУ. Он сообщал: "За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков по 2-2,5 кубометра в день, тогда как средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра в день. По этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмороживались, подвергались массовым заболеваниям" (3).

Аналогичные сведения приводились в другой строго секретной докладной записке, излагавшей результаты обследования положения спецпереселенцев в Сургутском и Кондинском районах Остяко-Вогульского округа, проведенного комиссией ОГПУ по Уралу. В ней, в частности, говорилось: "Всю тяжесть этого положения усугубляло варварское отношение к спецпереселенцам административного персонала хоздорганов. Случаи издевательства, изнасилования женщин, матерщина дополняют картину. По линии соваппарата, кооперации в спецпоселках проводится контрактация скота, молока. Запрещают спецпереселенцам собирать в лесу ягоды, грибы, шишки и т.д. В общем, делается все, что способствует физическому уничтожению спецпереселенцев" (4).

Питание их не было налажено и на заседании бюро Сургутского райкома ВКП(б) 27 июля 1931 г. отмечалось:

"Снабжение переселенцев по линии кооперации продовольствием настолько неудовлетворительно и ненормально, что поставило спецпереселенцев в условия применения в пищу на протяжении нескольких месяцев древесной коры, опилок, моха, древесного гнилья, рыбных костей, рыбной чешуи, трухи и перетертого сена" (5).

Во многих местах спецпереселенцам запрещалось ловить рыбу, они были лишены медицинского обслуживания, их косили эпидемии тифа и другие болезни.

Секретарь Ямальского окружкома ВКП(б) Лобанов в сообщении в вышестоящий орган об организации труда и быта спецпереселенцев в январе 1935 г. признавал, что правительственные постановления "по вопросу хозяйственного освоения и закрепления трудовой ссылки в местах поселения" руководителями Обьрыбтреста не выполняются (6). Спецпереселенцам не хватало жилья, они размещались в примитивных землянках, по две семьи в одной комнате". Качество строительства низкое, не хватает зданий под клубы, детплощадки, ясли и школы. Работающим переселенцам не хватало одежды, поэтому, по словам партийного руководителя, "рабочая сила вынуждена ходить в летний и зимний сезоны в рваных валенках, броднях и сапогах, а отсюда вытекают все последствия - заболевания, обмороживания и др." (7).

Вследствие этого Сургутский райисполком в июне 1932 г. вынужден был разрешить организацию стационара при городской больнице для больных цингой (8). Тяжелее других переживала ссылку молодежь, нередко отваживавшаяся на побег.

Несмотря на допущенную по отношению к ним властями несправедливость, спецпереселенцы играли важную роль в развитии народного хозяйства на Обь-Иртышском Севере, особенно в рыбной и лесной промышленности. Секретарь Ямальского окружкома ВКП(б) Лобанов признавал в начале 1935 г., что "трудовая ссылка в Ямальском округе является основной рабочей силой в рыбной и консервной промышленности" (9). Нехватка кадров на рыбных промыслах решалась партийно-со-

ветским руководством путем целенаправленной высылки из Волго-Каспийского и Азово-Черноморского районов семей рыбаков в распоряжение Уралгосрыбтреста. В одном только 1931 г. в трест прибыло 950 семей раскулаченных.

В 1934 г. управляющий Обьрыбтрестом Н.А. Угланов докладывал в Москву: "Спецпереселенцы работают бригадами, кормщиками, приемщиками, солильщиками, на судах матросами, мотористами. Молодежь обучается в ФЗО. Набираем 25 человек спецпереселенцев на учебу в рабтехникум (Тобольск), на курсах переподготовки обучаются большинство спецпереселенцев" (10). Такие курсы техминимума для ограниченных в передвижении пределами спецкомендатур переселенцев существовали на всех предприятиях рыбной и лесной промышленности в Тобольском и Ханты-Мансийском леспромхозах, на Обдорском и Самаровском рыбоконсервных комбинатах, Березовском и Сургутском рыбозаводах, Тобольской судовой верфи, Белогорском деревообделочном комбинате (11).

Но в вузы спецпереселенцы и их дети до конца 1935 г. по указанию Наркомпроса РСФСР не принимались. Не разрешалось им работать преподавателями в школах. В ноябре 1933 г. отдел народного образования Ханты-Мансийского округа сообщал, что среди учителей в округе спецпереселенцев нет. Однако в медицинских учреждениях работать им власти вынуждены были разрешить. В феврале 1932 г. в Уральской области спецпереселенцев обслуживали 285 фельдшеров, из них 217 являлись спецпереселенцами (12).

Отношение к спецпереселенцам со стороны руководителей и комендантов, за редким исключением, было жестоким, бездушным. К ним относились только как к рабочей силе, которую необходимо принуждать, не стесняясь в средствах. За всеми ссыльными осуществлялся строгий контроль. В спецпереселенческих поселках это делали коменданты, имевшие права сельского совета. Ссылные не могли без разрешения коменданта выехать в другой поселок, а после работы надо было ежедневно отмечаться у него. В Остяко-Вогульске находилась

окружная комендатура, которая распространила, в частности, циркуляр следующего содержания: 1) Все закрепленные за промыслом спецпереселенцы и их семьи должны быть строго учтены с разбивкой семьи на трудоспособных (мужчин, женщин, подростков) и нетрудоспособных. 2) Всех трудоспособных обязаны использовать исключительно на прямых работах (ловле рыбы, строительстве, обработке). Допуск спецпереселенцев к работе у двигателей и механизмов, а также на административных должностях категорически воспрещается. 3) При всех видах трудового использования спецпереселенцев они по месту своей работы обособляются от прочих рабочих (то же и при определении жилья). 4) Во все места работ спецпереселенцев выделяется необходимый штат вольнонаемных десятников, башлыков, береговых и прочих технических руководителей (13).

Несмотря на наличие специальных органов по надзору над спецпереселенцами, организация их труда была плохой, особенно в первые годы. Местные власти оказались совершенно неготовыми к приему огромного количества ссыльных. Не хватало не только жилья и продуктов питания, одежды, обуви, но иногда и работы. Некоторые лесоучастки были созданы лишь для того, чтобы занять рабочую силу. Место работы находилось иногда в нескольких десятках, а то и сотнях километрах от места жительства. Рабочих часто перебрасывали с одного участка на другой. Все это делало труд спецпереселенцев малопродуктивным.

В предвоенные годы состав ссыльных на территории Обь-Иртышского Севера стал меняться. В 1940 г. здесь были расселены 1,5 тыс. семей польских всадников. С августа 1941 г. началось переселение на восток немцев, проживающих в Поволжье. Около 32 тыс. из них были расселены на территории современной Тюменской области (14). Затем вплоть до конца войны сталинский режим депортировал народы, огульно обвиненные в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами. Их ссылка и распределение сопровождались разъединением семей, родных и близких. Все трудоспособные

мужчины и женщины мобилизовались в рабочие колонны и трудармии, в которых были установлены режим и нормы ГУЛАГа. В 1942 г. на рыбозаводах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов работало 8854 спецпереселенца, в числе которых было много эвакуированных из западных районов страны финнов, немцев, латышей, эстонцев. Вскоре после освобождения от захватчиков временно оккупированных территорий в восточные и северные районы страны потянулись эшелоны народов, депортированных из Крыма и Северного Кавказа. В 1944 г. в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа было вывезено на спецпоселение 4,7 тыс. семей калмыков общей численностью свыше 14 тыс. человек. Они трудились на Сосьвинском, Сургутском, Светоминском, Ларьякском, Кушеватском, Мужевском рыбозаводах, на Самаровском лесозаводе и других предприятиях. Только в Ямало-Ненецком округе ссыльные построили 55 рабочих поселков (15).

В суровых природно-климатических условиях Севера изнурительный физический труд, на который были обречены спецпереселенцы, нехватка одежды и обуви, плохое питание, неудовлетворительные бытовые условия, социальное бесправие и другие невзгоды стали причинами высокого уровня их заболеваемости и смертности. Так, из выселенных в Ямало-Ненецкий округ в 1944 г. 1467 калмыков к маю 1945 г. в живых осталось 975 человек (16). И все-таки спецпереселенцы своим трудом внесли существенный вклад в освоение природных ресурсов Обь-Иртышья, в достижение победы над врагом. Достаточно сказать, что пятеро из семей "раскулаченных" и сосланных на Обь-Иртышский Север, стали Героями Советского Союза (17).

После Великой Отечественной войны положение спецпереселенцев почти не изменилось. Комендатуры были ликвидированы только во второй половине 50-х гг. Но теперь ссыльные имели меньше ограничений при выборе места работы. По данным тобольского историка Н.И. Загороднюк, в 1950 г. в Тюменской области около тысячи спецпереселенцев и

административно-ссылных работали на должностях инженеров, учителей, врачей и других специалистов. Из них 14 были агрономами и заведующими МТС, 33 - председателями колхозов, 8 - директорами школ, 206 - преподавателями, 25 - воспитателями детских домов и интернатов, 81 - врачами и фельдшерами, 25 - медсестрами (18).

Общее количество депортированных на Север продолжало оставаться значительным. На 1 января 1953 г. в Тюменской области числилось 68679 спецпереселенцев, из них 28695 немцев, 10364 калмыка, 5718 бывших кулаков, сосланных сюда еще в начале 30-х гг., 3479 человек из западных районов Украины и Белоруссии, 1632 - из Бессарабии (19). Процесс их реабилитации развернулся в последующие годы.

Примечания

1. История Урала. XX век. Екатеринбург, 1996. Кн.2. С.105-106.
2. Цит. по: Кондрашова Л. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. 30-е годы. // Югра, 1994, № 4. С.43.
3. Цит.по: Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С.177-178.
4. Цит. по: Кондрашова Л. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. 30-е годы. С.41.
5. См.: Лазарева С. Спецпереселенцы. Из истории сургутской полит.ссылки // Югра, 1994, № 3, С.17.
6. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. Сб. докум. Тюмень, 1994. С.244.
7. Там же. С.245.
8. См.: Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург, 1994. С.290-291.
9. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. С.244
10. Цит. по: Загороднюк Н. Роль спецпереселенцев на Обском Севере. // Югра, 1996, N 10. С.34
11. Там же.
12. Там же. С. 35.

13 Кондрашова Л. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. 30-е годы. С.42.

14. Загороднюк Н.И. Депортация населения в Тюменский край // Великий подвиг народа. Тез. докл. Екатеринбург, 1995 С.141-142.

15. Там же. С.142.

16. Там же.

17. Очерки истории Тюменской области. С.178.

18. Загороднюк Н. Роль спецпереселенцев на Обском Севере. С.35.

19. Загороднюк Н.И. Депортация населения в Тюменский край. С.143.